

Трансформация дискурса проправительственной прессы Санкт-Петербурга: толерантность «до» и «после» Кондопоги

Понятие толерантности часто ассоциируется со сформированной системой ценностей и убеждений, позволяющей позитивно воспринимать Других – тех, кто отличается от некого большинства, превалирующего сообщества. Мы-группы, – и взаимодействовать с ними. Высшая степень проявления толерантности – способность рассматривать эти различия как несущественные для построения и поддержания сообщества с Другими, то есть возможности их включения в Мы-группу, восприятия вчерашних Других как части Мы-группы. По сути, достижение этого максимума делает идею толерантности неактуальной и несущественной, так как подразумевает исчезновение объекта толерантности. Образ Другого, таким образом, является конституирующими для дискурса (ин)толерантности. На первый взгляд, применительно к прессе толерантность также предполагает наличие Другого, а изучение толерантности прессы заключается в анализе способов подачи информации о Другом. Но в контексте изучения прессы толерантность может рассматриваться как обратная сторона языка вражды. Другими словами, о толерантности прессы свидетельствует отсутствие языка вражды, понимаемого в широком смысле – как любая прямая или косвенная негативная информация о Другом, интолерантная информация, а в некоторых случаях – умалчивание информации.

Пресса, которая обслуживает интересы власти, имеет ряд специфических функций. Одной из них является трансляция государственной идеологии, в частности, формирование представлений о государстве, нации, а, следовательно, о событиях, которые происходят в стране и мире, о критериях принадлежности к нации. Поэтому в качестве Другого

Работа выполнена при поддержке фонда INTAS в рамках проекта "Tolerance and Intolerance in the Post-Soviet Press: Applying New Methods of Measurement and Evaluation". Грант 04-79-6813.

здесь выступает тот, кто исключается из сообщества нации, а изучение толерантности проправительственной прессы в первую очередь предполагает изучение того, кто выступает в роли Другого и как подается информация о Другом. Властная элита заинтересована в такой подаче материала, которая способствует укреплению власти и консолидации общества: с одной стороны, элита стремится описывать любые свои действия позитивно, критиковать оппозицию, не освещать события, которые выставляют ее в невыгодном свете, а с другой стороны, она ограничена в своих действиях самой возможностью обнаружения и огласки подобных стратегий со стороны оппонентов. Можно предположить, что государство, заявляющее о себе как о демократическом, проводя национальную политику, будет избегать ущемления каких-либо групп населения. Поэтому в отличие от большинства других идеологических изданий проправительственные СМИ должны говорить политкорректным языком, не провоцирующим национальную и этническую рознь. Но процесс постепенной монополизации средств массовой информации уменьшает количество агентов в информационном поле и позволяет изменять риторику изложения материала на менее толерантную.

Обращение к проправительственной прессе выявляет механизмы выстраивания и проговаривания основных составляющих общенационального мировоззрения (которые включают в себя, в частности, представления о гражданах, определенных группах населения, взаимодействии с внешним миром), поскольку ежедневные проправительственные газеты призваны информировать население о происходящем и в то же время исполнять роль трансляторов идеологии власти, делая ее частью повседневности. А так как любая идеология – это не только совокупность определенных убеждений, но и побуждение к действию, анализ проправительственных изданий позволяет ответить на вопрос: к каким действиям побуждает нацию государство, а также понять, к кому именно оно апеллирует; другими словами, кто включается в сообщество «национа», а кто подлежит исключению; выстраивается ли нация на основе одной/нескольких этнокультурных групп или всей совокупности граждан без выделения и описания каких-либо этнокультурных сообществ; способствует ли идеология, транслируемая в проправительственных СМИ, позитивной гражданской консолидации или изоляционистским тенденциям, и т.д.

В предлагаемом исследовании мы постарались проанализировать, как изменяется освещение событий в проправительственной прессе с точки зрения толерантности подачи материала в ответ на те или иные события, а также то, как выстраивается оппозиция «Мы – Другие» в те

или иные периоды, какими характеристиками наделяется, с помощью каких приемов прописывается. Как освещаются события, которые противоречат транслируемой идеологии, как прописываются действия властей, которые противоречат декларируемым принципам?

Мы сфокусировали наше исследование на изучение изменений стратегий и способов подачи рассматриваемого материала в проправительственной прессе. Мы полагали, что особенности публикаций в этих изданиях будут взаимосвязаны с рядом политических событий, а на фоне постепенной монополизации СМИ будут меняться приемы изложения материала¹.

Точной бифуркации в нашем исследовании выбраны события в Кондопоге², за которыми последовали антигрузинская кампания, рейды по обнаружению нелегальных мигрантов, постановление правительства³, квотирующее иностранных работников и т.д., поэтому мы сфокусировали наше исследование на освещении событий до и после событий в Кондопоге. В качестве события «до» мы избрали то, каким образом в газетах описывались убийства, совершенные на почве расовой и национальной

¹ Об усилении контроля государства над СМИ см.: Лукашевский Сергей. Демократия в России-2005: радикальная «суверенизация» // Демократия вертикали. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 19–44; Прибыловский Владимир. Власть и СМИ в правление Путина. Хроника // Там же. С. 68–102; Фоскато Флориана. Виртуальная политика и российское ТВ // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 4; Дубин Борис. Суверенность по законам клипа и сериала // Там же.

² В ночь на 30 августа 2006 г. в ресторане «Чайка» карельского города Кондопога между официантом и посетителями ресторана возник конфликт, спровоцированный посетителями, началась драка. Официант обратился за помощью к лицам, охраняющим интересы хозяина ресторана. Прибывшая милиция проявила бездействие, наблюдала за происходящим со стороны. В ходе драки были убиты два человека, несколько человек ранено, среди пострадавших оказались и случайные посетители ресторана. По основной версии правоохранительных органов и ряда экспертов, события явно имели криминальный характер. Однако среди местного населения получила популярность версия, согласно которой причина конфликта имела этническую подоплеку. По мнению многих горожан, главным в происшествии было то, что работающие на хозяина ресторана бандиты-чеченцы оказались причастными к убийству русских жителей Кондопоги, а это, в свою очередь, явилось следствием этнической и криминализации бизнеса в городе. В Кондопоге начались массовые митинги и погромы, направленные против людей, которые приехали в город с Кавказа или идентифицировались участниками как «кавказцы».

³ Согласно постановлению Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 683 устанавливаются квоты на привлечение на работу иностранных граждан в сфере розничной торговли. Доля иностранных работников в палатах и на рынках с 15 января 2007 г. не должна превышать 40 % от общей численности работников, а с 1 апреля сократиться до 0 % // Российская газета. 2006. 16 ноября.

ненависти, и сопряженные с ними процессы; упор был сделан на убийстве Хуршиды Султоновой в феврале 2004 года, его расследовании, результатах следствия и решении суда.

Массовые митинги и беспорядки в карельском городе Кондопога, сопровождавшиеся откровенно расистскими и ксенофобскими требованиями и заявлениями, в начале сентября 2006 года имели ряд серьезных последствий: в частности, изменился характер публичных заявлений властей разных уровней. В риторике власти, причем высшего руководства страны, появляются новые термины, например «коренное население», которое в последующих комментариях приобретает все более выраженное этническое значение¹. К тому же события в Кондопоге, как и преступления на национальной почве, идут вразрез с официальными заявлениями о традиционной толерантности, присущей российскому обществу².

Нас интересовали представленные в прессе объяснительные конструкции этих событий: используется ли оппозиция «Мы – Другие» в описании причин беспорядков, если да, то по каким критериям выстраиваются границы между группами, какие пути профилактики подобных эксцессов предлагаются. В первую очередь наше внимание было обращено на наличие в текстах негативного описания Другого или действий в отношении Другого, которые необходимо предпринять для предотвращения подобных стихийных выступлений; как характер публикаций взаимосвязан с политическими событиями, инициированными правительством, и как отражаются в этих текстах события, которые идут вразрез с транслируемой системой убеждений и ценностей.

Как уже говорилось, на наш взгляд, проправительственные издания в силу своего статуса должны быть особо корректными в освещении таких событий, как убийства на национальной почве или случившееся в Кондопоге, поскольку высказывания в прессе способны стать поводом для дополнительной мобилизации и консолидации общества и вызвать как единение и сплоченность населения, так и недовольство со стороны граждан и активизацию деструктивных сил. Именно поэтому показательна политика газет в подобные периоды: она проявляется в подборе материала, в характере описания событий, в интерпретациях и языке журналистов, которые способны приписать событиям тот или иной идеологический оттенок.

¹ См., например: Кожевникова Галина. Осень-2006: под флагом Кондопоги // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2007. 4 января (<http://www.xeno.sova-center.ru/29481C8/883BB9D>).

² Подробнее см. например: Зверева Вера. Праздничные концерты: старый канон на новом ТВ // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 4.

Теоретико-методологические рамки нашего исследования толерантности прессы изложены в статье «Индекс (ин)толерантности прессы», опубликованной в этом сборнике. О степени толерантности материалов издания мы судили по наличию в них таких параметров, как оппозиция «Мы – Другие», негативная информация о Другом, угрозы, призывы к насилию, дискриминации и проблематизации, связанные с представителями группы Другие. Тем не менее, в нашем случае мы использовали лишь качественную составляющую и анализировали текст с позиции понимания толерантности прессы, которая в этом индексе прописана.

При этом мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что, говоря об интолерантности в проправительственных и других СМИ, мы не подразумеваем обязательное наличие нетерпимости в них, то есть в нашем исследовании интолерантность определяется не только через присутствие языка вражды. Мы говорим и о некорректных, на наш взгляд, высказываниях или логике изложения материала, которые не способствуют утверждению толерантных установок в обществе и зачастую являются результатом журналистской невнимательности или отсутствия особой чувствительности к материалу. Исходя из этого, в дополнение к критериям интолерантных высказываний, которые указаны выше, мы рассматриваем как некорректные и варианты умалчивания отдельных тем. Отсутствие языка вражды не является гарантией проявления толерантности: например, в материалах могут отсутствовать или осуждаться негативные высказывания об определенных национальностях, но при этом оправдываться гонения на мигрантов, или же отсутствие языка вражды может объясняться самоцензурой¹.

Характеристика изданий

В качестве объекта изучения выступили проправительственные издания Санкт-Петербурга: «Санкт-Петербургские Ведомости» (СПВ) и «Невское время» (НВ). Санкт-Петербург крайне важен для нашего анализа тем, что череда преступлений на этнической почве закрепила за ним статус нетолерантного региона.

Оба издания – газеты, которые выходят 5 раз в неделю тиражом в 223 тыс. экземпляров и 85 тыс. экземпляров соответственно. Обычно материалы в этих газетах размещаются на шести больших полосах, но

¹ Известен случай, когда одна из региональных газет получила приз за «чистую речь», а впоследствии обнаружилось, что «чистота» объяснялась запретом редактора на освещение всего, что связано с национальными отношениями. См.: Севортьян Ачна, Шароградская Анна. Освещение этнического многообразия. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2005. С. 24.

по субботам в случае СПВ и по пятницам в случае НВ количество полос увеличивается как минимум вдвое.

На страницах СПВ и НВ преобладает социально-экономическая тематика, рассматриваются вопросы образования, экономического развития, пенсионного обеспечения, ЖКХ и прочие близкие населению темы. В этих изданиях представлен дискурс власти, однако даже когда материал персонифицирован, власть выглядит достаточно абстрактно. Скажем, если подача материала идет в негативном свете, то фигура губернатора не связывается с описываемыми событиями. Большой процент публикаций относится к освещению культурных мероприятий: выставок, концертов, налаживания разнообразных культурных связей с другими городами и странами. Значительное количество публикаций отведено под исторические хроники и связь прошлого и настоящего. В отличие от публикаций в так называемых желтых или полужелтых изданиях типа «Аргументов и фактов» и «Московского комсомольца», региональная проправительственная пресса не гонится за скандальными сюжетами из жизни «звезд» и не особенно стремится освещать события в мире шоу-бизнеса; не злоупотребляет она также экспрессивным описанием кровавых подробностей трагедий или криминальной хроники.

Согласно постановлению правительства Санкт-Петербурга № 173 от 30 декабря 2003 г., «Санкт-Петербургские Ведомости» и «Невское время» являются официальными публикаторами, а, следовательно, обладают особым статусом, дающим им преимущества при распространении¹. Например, любой человек, даже не имеющий возможности выписывать данные газеты или читать их в библиотеках и в интернете, может ознакомиться с ними на стенах, расположенных в различных районах города.

Толерантность «до»: примеры толерантной нетолерантности

Смерть таджикской девочки Хуршеды Султоновой 10 февраля 2004 г. в результате нападения на нее и ее семью (отца и двоюродного брата) во время прогулки имела широкий общественный резонанс. До этого события ни одно из преступлений на национальной почве в Санкт-Петербурге не было поставлено под контроль федеральными органами власти, более того, ни одно из событий не освещалось столь продолжи-

¹ Нормативные правовые акты публикуются в НВ и СПВ, законы Санкт-Петербурга – в СПВ, см.: Официальный портал администрации Санкт-Петербурга (http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/committee/press/question_answer/1/).

тельно и подробно¹. Последствия случившегося оказались важны и для репутации Санкт-Петербурга: для характеристики города все чаще стало применяться словосочетание «фашистская столица».

Одной из стратегий, которую выбрали СПВ при описании убийства, является нежелание говорить об этнической и возможной идеологической (фашистской) составляющей ситуации. Свидетельством этому служит и само описание убийства, в котором лишь вскользь говорится о национальной принадлежности жертв, а также не выстраиваются аналогии с предшествующими проявлениями неоправданной агрессии по отношению к представителям других национальностей². Само слово «фашизм» и примеры его проявления возникают в газете значительно позже и только тогда, когда фашистская символика появляется на мемориале Марсова поля, то есть когда оскверняются национальные святыни³. В большинстве же статьй и комментариев на данную тему авторы акцентируют внимание читателей на том, что причастность к скинхедам не установлена и что действия подростков объясняются хулиганскими побуждениями. И делается это преимущественно через прямое и непрямое цитирование слов милиционских работников. Попытка отвести от города очерняющий его ярлык «фашистской столицы» строится посредством постоянного утверждения, что националистические побуждения подростков играли в этом случае минимальную роль. Указывается, что обсуждаемое преступление – это не стиль экстремистских группировок. «Слишком много нелогичного, “непрофессионального” в их действиях. Так, спонтанно, без каких-либо видимых причин, обычно действуют “рядовые” подростки, может быть, пьяные или обкурившиеся, но вполне возможно, что и трезвые. И чрезмерная, неоправданная жестокость – это, увы, характерный признак именно подростковой преступности»⁴. Говорится, что скинхеды – это просто бездушные люди и они, собственно, не обязательно настроены именно против людей других национальностей: «Жестокость юных “отморозков” потрясает (кстати, содеянное ими говорит и о том, что “активность” скинов не обязательно имеет лишь национальную направленность)»⁵, – речь идет о статье об убийстве молодого курсанта

¹ Стоит отметить, что избиение группы таджикских цыган, случившееся годом ранее, в результате которого также погибла малолетняя девочка, практически не освещалось.

² Рутман М. После прогулки – смерть // СПВ. 2004. 11 февраля.

³ Петров С. Опять бритоголовые... // СПВ. 2004. 18 февраля.

⁴ Рутман М. Указ. соч.

⁵ Рутман М. Курсанта били ногами, стараясь попасть в голову... // СПВ. 2004. 26 февраля.

Олега Кабалинова, которое было раскрыто благодаря расследованию дела Хуршеды (курсанта до смерти избили его приятели-скинхеды из-за разногласий по поводу армии). Таким образом, редакции газеты присущее стремление перевести имеющуюся проблему роста националистических выступлений в город в пласт подростковой преступности вообще, а через это свести всё к социальной проблеме воспитания и образования подростков. Так или иначе, но авторы пытаются отодвинуть этнические характеристики жертвы, которые сыграли одну из решающих ролей в ее выборе, тем самым нивелируя другую социальную проблему – толерантности и экстремизма, «растворяя» ее в рассуждениях о необходимости воспитания молодого поколения.

При этом, переводя проблему экстремизма в социальную сферу, журналисты СПВ призывают своих собратьев по перу вообще не затрагивать «неудобные» темы, связанные с этничностью и религией, поскольку, на их взгляд, любая дополнительная информация, к примеру, о мигрантах (легальных и нелегальных) и т.п., способна спровоцировать агрессию. В качестве подтверждающего примера подается вышедшая накануне убийства Хуршеды Султоновой передача «Времена» Владимира Познера о мигрантах. Подчеркивая, что общий посыл передачи состоял в том, что «...эти самые “лица” («кавказской национальности» – Р.А., А.Т.) и мигранты из среднеазиатских республик, мол, такие же люди, как и мы...»¹, автор статьи приходит к выводу, что лучше не говорить на скользкие темы, потому что подростки, получив любую информацию об этничности, мигрантах, религии, могут исказить ее до такой степени, что пойдут убивать: «Не воспримут ли их своим искривленным сознанием группы подростков вроде той, которая напала на таджикскую семью в Петербурге, как дополнительный сигнал к тому, что “черных” надо бить»².

Автор продолжает: «наряду с общим падением морали у нас, похоже, перестали срабатывать нравственные тормоза и в области национальных отношений, где, повторяем, даже доброхотские утверждения о том, что “лица кавказской национальности” – такие же граждане, как и все, могут вызвать дополнительное напряжение между людьми». В качестве рецепта, позволяющего избежать подобных следствий, автор предлагает следовать позиции власти, которая придерживается «добровольного табу по части публичных дискуссий по национальным вопросам»³.

Вопрос о том, как правильно говорить о скользких (неудобных) темах, не имеет однозначного ответа. Попытки показать, что информа-

¹ Кошванец В. Страшнее пистолета // СПВ. 2004. 14 февраля.

² Там же.

³ Там же.

ция, поданная в СМИ, всегда служит прямым стимулом к действию (в рассматриваемом случае – неадекватному) также во многом упрощают реальность. Стоит задуматься и о малой результативности пропаганды толерантности, которая реализуется через СМИ. Наивно также полагать, что если не освещать данные темы, то язык вражды и сама вражда исчезнут. Опыт показывает, что это далеко не так. Так, например, в следовании «золотому правилу» неговорения обнаруживается определенная непоследовательность позиции редакции, которая вроде бы и против неоправданного упоминания этничности и т.п., но свободно пользуется расистскими терминами, которые достаточно устойчиво закрепились в обществе. Упирая на то, что лучше вообще не говорить о национальности, этничности, расизме, журналисты СПВ легко используют лексику «национал-патриотов»: например, такие слова, как «черные». Пусть даже эти слова даны в кавычках и подаются преимущественно из уст либо представителей скинхедов, либо работников правоохранительных органов.

«...А одна сказала: «Мой парень вчера хвастал: «Сыщала, как мы хачиков замочили?»¹, или «...установка на избиение «черного» была. Не именно этого – любого»².

Более того, нередко публикации просто-напросто воспроизводят идеологию националистов. Так, например, в статье пишется: «Дали показания и лидеры движения. Своих националистических наклонностей они не скрывают: да, «черных» бить надо, но девочку – это уж чересчур...»³ Но ведь данную, подчеркиваем, скрытую цитату можно было подать в несколько иной форме, без тиражирования националистических наклонностей и радикальной идеологии экстремистских движений. Для этого достаточно было убрать фразу о том, кого надо, а кого не надо бить, и оставить в качестве косвенной цитаты лишь часть фразы о том, что убивать ребенка – это чересчур. Это стало бы еще одним шагом для нераспространения в «искривленном» сознании подростков, да и не только их, расистских идей, о чем так радели сотрудники газеты. Употребление подобных фраз лишь способствуют нормализации языка вражды, закреплению стереотипного восприятия тех или иных групп по фенотипическому либо какому-либо другому признаку⁴.

¹ Рутман М. Это дело нашей чести // СПВ. 2004. 20 февраля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Наиболее ярким примером подобной нормализации стало уже укоренившееся использование слова «кавказцы», по сути, включающее в себя различные этнические группы, которые объединяются по фенотипическим характеристикам и, собственно, на основе этих характеристик являются объектом известных дискриминационных практик.

Несвободно от подобных ошибок и НВ. В данном случае речь идет не об использовании в текстах журналистов «неприличной» лексики, а в подборке визуального ряда к нему. Так, например, 11 февраля 2004 г. в первой статье на тему совершенного преступления «Убийц достать хоть из-под земли!» рядом с заголовком была помещена фотография стены с надписью «Убей хача, спаси Россию!»

В то же время, в отличие от СПВ, НВ не боится сразу же назвать случившиеся «жестоким проявлением национального экстремизма в Петербурге» и дает событиям неприятные, но адекватные наименования (например, в качестве заголовка – «Нацизм объявлен в розыск»; упоминается и лозунг «Россия для русских», который прозвучал в момент совершения преступления)¹. В газете серьезно ставится вопрос о недостаточной государственной поддержке толерантности в СМИ. Таким образом, НВ подает рассматриваемый материал в совершенно ином стиле. Те же расхождения отчасти наблюдаются и в материалах, посвященных расследованию убийства девочки и вынесению приговоров обвиняемым. В НВ достаточно обстоятельно разбираются особенности судебного процесса, даются разные комментарии.

В СПВ в основном появляются статьи, в которых просто констатируется происходящее в зале суда: какие сроки требовал обвинитель, что решил суд, кто подал на обжалование. Единственным материалом, в котором дана определенная оценка событий, является статья «Не доказано!». Автор, обсуждая судебное решение, пишет о том, что он рад оправдательному приговору, вынесенному судом присяжных, прежде всего потому, что, на его взгляд, во-первых, дело было слишком политизировано и оно развалилось бы, если бы в нем не было политической окраски, а во-вторых, вынесенный приговор свидетельствует о развитии правового государства в России². Несмотря на то что автор по большей части прав в своей оценке таких проблем, как излишняя бюрократизация силовых структур, их внутренняя нездоровая конкурентность, ошибки следствия, которые привели к сужению доказательной базы, рассматриваемое дело, на наш взгляд – не совсем удачный пример торжества правосудия в России. Во-первых, потому, что автор совершенно не упоминает о специфике судов присяжных в России, их незрелости, сложностях и минусах их работы; а во-вторых, смещение акцента в описании судебного процесса на развитие и поддержание верховенства закона

¹ Бурснин М. Убийц достать хоть из-под земли // НВ. 2004. 11 февраля; Он же. Нацизм объявлен в розыск // НВ. 2004. 12 февраля; Абдулаева Ш. Эта девочка не взрывала метро // НВ. 2004. 14 февраля.

² Рутман М. Не доказано! // СПВ. 2006. 29 марта.

скорее вновь говорит о желании уйти от обсуждения реальной проблемы роста экстремизма и ксенофобии в российском обществе.

Возможно, разная подача события — убийства девочки и его расследования — следствие того, что преступление произошло в регионе, который в других случаях воплощал собой культурную столицу и является даже своего рода символом нации в связи с блокадой и рядом других исторических событий. То, что проблема фашизма всплыла в таком городе, заставило правительственные газеты реагировать. Но отреагировали они по-разному.

Городское правительство не могло дать официальным газетам однозначных сигналов. Однако при всей разнице в подаче материала есть основание, которое объединяет эти издания: это понимание проблемы толерантности не как общечеловеческой ценности, которая признается по всей планете, а как чего-то, присущего только российскому, вернее, бывшему советскому человеку, и даже как специфической черты петербуржца. Создается впечатление, что этническое или расовое насилие плохо не само по себе как нарушение прав человека, а как преступление против национальной и региональной традиции. Основной мотив осуждения всплеска убийств и избиения людей другой расы или национальности в регионе следующий: «Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом и всегда жители, независимо от этнической принадлежности, жили в мире». Толерантность оказывается частью того «сакрального знания», которая характеризует петербуржцев, да и россиян в целом. Это проявляется и в словах губернатора Санкт-Петербурга: «*Вдвойне обидно, что подобные варварские выходки происходят в Петербурге, который всегда был городом многонациональным и терпимым к представителям других национальностей и религий. Трудно представить, что эти преступники выросли в нашем городе, что у них есть родители. Только наша общая ненависть к негоям может защитить людей. Мы должны все вместе противостоять злу!*¹», и в словах простых граждан: «*Это дело нашей общей чести. И все мои ребята настроены точно так же. У меня заместитель — грузин, в отделе есть азербайджанец, еврей, мы никогда не делились по национальному признаку. Все произшедшее — дикость полная для каждого из нас...*²»

С нашей точки зрения, подобное преподнесение толерантности как всеобщего свойства группы, будь то петербуржцев или россиян, выступает в качестве одного из вариантов некорректных и нетолерантных

¹ Буренин М. Убийц достать хоть из-под земли.

² Рутман М. Это дело нашей чести.

высказываний, поскольку, как заметил Валерий Тишков, «*толерантность — это не врожденное групповое или индивидуальное свойство, а постоянное и направленное усилие на конструирование и осуществление определенных личностных и общественных ценностей и норм поведения*¹». Определяя толерантность как специфическое свойство региональной, национальной или цивилизационной группы, тем самым подразумевается, что другие группы обладают подобными свойствами в меньшей степени². Более того, многонациональность в подобных высказываниях всегда выступает как определенная гарантия существования толерантности. Исходя из такого соотнесения напрашивается вполне логичный вывод, что толерантности сложно реализоваться в более однородных группах.

При этом практически во всех материалах рассматриваемого периода, где постоянно подчеркивается, что Мы-петербуржцы многонациональны и, соответственно, толерантны, ставится под сомнение принадлежность к этой Мы-группе тех, кто совершает подобные преступления. Они становятся Другими, несмотря на то что выросли в Петербурге, поскольку не разделяют этнический универсализм и толерантность как ценность, которая и определяет принадлежность к коллективному целому Петербурга и России. Сам же концепт «мы» наполняется преимущественно посредством культурной общности, в которой главным оказывается не этничность, не место жительства человека и его миграционный статус и даже не гражданство, а его готовность разделить определенные ценности и важность исторического прошлого³.

Тем не менее, осенью 2006 года появляется новое толкование убийства Хуршеды и других преступлений на почве этнической и расовой неприязни, как, впрочем, и новое понимание проблемы толерантности. Согласно ему, Хуршеда и другие жертвы (и, в сущности, и убившие их) оказываются «заложниками чужих грехов». И грехи эти — прорехи в миграционном законодательстве.

«*До недавнего времени отношение к приезжим с ярко выраженной неславянской внешностью в Петербурге, мягко говоря, оставляло желать лучшего. На фоне глухого ропота значительной части населения против их засилья совершались попытки бороться с миграцией силовым путем, предпринимаемые, прямо скажем, не лучшей частью нашей молодежи. Что, впрочем, и неудивительно — при той-то абсолютно невнятной миграционной*

¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 319.

² Там же.

³ Акифьева Р., Толкачева А. Национальная и региональная идентичность в дискурсе официальной прессы Санкт-Петербурга // Ab Imperio. 2006. № 3.

*политике, которая осуществлялась до недавних пор под успокаивающий шелест речей о необходимости воспитания в обществе толерантности*¹.

В данной статье уже нет ни народного возмущения, связанного с неприятием нападений на людей с другим цветом кожи и фенотипом, ни акцента на том, что Петербург – многонациональный город. Появляется «коренной» петербуржец, которому противопоставляются приезжие с неславянской внешностью. Нелегитимные способы регулирования «засилья» приезжих до введения изменений в миграционной политике преподносятся как вполне адекватный выход из положения, создавшегося из-за провалов в миграционной политике. Тем самым действия скинхедов (уже части Мы-группы) рассматриваются как неизбежная реакция в сложившихся обстоятельствах. *«А, как известно, когда национальной политикой не желает заниматься власть, ей поневоле начинает заниматься само население – и в первую очередь наиболее маргинальная его часть»².*

Таким образом, концепция описания событий существенно меняется, как, собственно, меняются и сам подход к проблеме толерантности, и Мы-группа. Если раньше недостаток толерантности в обществе объяснялся отсутствием должного воспитания и образования, прежде всего у подростков, то сейчас все обсуждение отсылает к другой социальной проблеме – миграции, в поле которой якобы и лежит решение проблемы толерантности в обществе. *«Теперь, после известных событий в Кондопоге и особенно в Грузии и ответных мер России, явно наводящих на мысли о "переполненной чаше терпения", в настроениях коренных петербуржцев явно просматриваются надежды на то, что миграционная политика станет такой, что надобность в разговорах о воспитании в нашем обществе толерантности сама собой отпадет»³.*

Дискурсивные последствия Кондопоги

В освещении событий в Кондопоге по-прежнему присутствуют различия в манере подачи материала. В то время как НВ реагирует на случившееся большим количеством публикаций, преимущественно состоящих из проведенного журналистами или экспертами анализа событий, в оценках которых иногда встречаются и полярные точки зрения, СПВ освещает их скрупультно: в основном материалы представляют собой

сухое описание фактов, или же Кондопога упоминается в связи с чем-то другим, часто вскользь, одним предложением. Например, объясняется, как правильно ставить ударение в названии города⁴, или описывается первенство Петербурга по фигурному катанию среди детей младшего возраста: *«47 ребяташек из нашего города и 30 юных гостей из Кондопоги и Казахстана участвовали в этом соревновании на детском катке "Кристалл", что в Красногвардейском районе»⁵*. При этом Казахстан и Кондопога перечисляются как территории одного порядка, без объяснения, почему состав гостей соревнований ограничен зарубежной страной и российским городом. На фоне в целом скучной подачи информации о событиях в Кондопоге в СПВ встречается небольшое число эмоционально окрашенных материалов, а также публикаций, в которых дается подробная экспертная оценка событий. Подобные публикации соотносятся с подавляющим большинством публикаций в НВ, выстраивая образ Другого – объекта и источника конфликта.

«Мы – Другие»: критерии членства и основные модели взаимодействия групп

Для объяснения событий в Кондопоге обе газеты активно используют конструкцию «Мы – Другие», описывая поляризованные группы посредством категорий миграционного статуса: Мы – местные жители, «коренное население», Другие – мигранты, как легальные, так и нелегальные. Практически всегда в качестве дополнительных критериев, определяющих групповые границы, выступают этнические категории, понимающиеся достаточно широко: фенотипические особенности, обусловленные групповой принадлежностью, характерные для определенной культуры образцы поведения и т.п. Образ местных или «коренных» жителей прописывается не очень четко и преимущественно наполняется этническим содержанием. Под местными жителями нередко подразумевается «русское население», «население со славянской внешностью». Например, корреспондент описывает свои впечатления от посещения рынка Кондопоги: *«Русские женщины без всякой межнациональной вражды в глазах покупают у выходцев из южных республик продукты и одежду»⁶*.

В публикациях, посвященных Кондопоге, выстраиваются те же конструкции агентов взаимодействия, что и в материалах о событиях в

¹ Селицкий А. Заложники чужих грехов // НВ. 2006. 13 октября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вопросы-ответы // СПВ. 2006. 18 сентября.

⁵ Гутова Ю. Пираты у елки // СПВ. 2006. 29 декабря.

⁶ Терентьев Д. Затишье после бури // НВ. 2006. 6 сентября.

стране, в которых фигурируют «иностранные», «мигранты», «приезжие» и пр. Поэтому события в Кондопоге, антигрузинская кампания, вышеупомянутое постановление федерального правительства об иностранцах и операции по выявлению нелегальных мигрантов описываются как взаимосвязанные. Кондопога и антигрузинская кампания описываются в первую очередь как конфликты «мигрантов» и «коренных жителей», а изменения в миграционном законодательстве – как одно из необходимых последствий этих событий¹.

Другие часто определяются не только посредством миграционного статуса, но и с помощью этнических и расовых категорий. В статьях упоминаются характерные внешние признаки, которые преподносятся как общеизвестные и легко узнаваемые, – такими признаками является «неславянская внешность» Других, отличная от «славянской внешности» представителей Мы-группы. Более того, нередко сам статус гражданина или иностранца ставится в зависимость от фенотипических особенностей. Так, предполагается, что иностранные торговцы имеют характерные внешние черты, которые без труда позволяют отличить местного жителя от приезжего. «Достаточно пройтись по вещевому рынку "Апраксин Двор", и уже можно представить, что с 1 апреля здесь останется только третья продавцов². Но, пожалуй, определяющими маркерами в оппозиции «Мы – Другие» выступают культурные признаки, под которыми подразумеваются приписываемые представителям групп личностные качества, система ценностей, характерные образцы поведения, обусловленные их принадлежностью к группе (культурной, региональной, этнической – в зависимости от контекста): «Социологические исследования свидетельствуют, что у большинства граждан вызывает недовольство не национальность приезжих, а их культурный уровень и нежелание адаптироваться к местным законам и традициям»³.

Метафора столкновения культур и наплыва мигрантов активно используется для объяснения событий в Кондопоге. При этом первое является неизбежным следствием второго: «...аналогичное столкновение культур происходит едва ли не в любом российском городе с тех пор, как поощрение притока трудовых мигрантов стало базовым элементом внутристрановой политики в России»⁴.

В целом логика описания событий выглядит следующим образом. Вследствие несовершенного миграционного законодательства в различ-

¹ Селицкий А. Заложники чужих грехов.

² Кострова А. Кто за базар ответит // НВ. 2006. 29 ноября.

³ Терентьев Д. Русский демарш // НВ. 2006. 21 декабря.

⁴ Он же. Гроздья гнева // НВ. 2006. 7 сентября.

ные регионы РФ прибывают мигранты, которые являются носителями культуры, существенно отличающейся от культуры местного населения. Столкновение различных культур неизбежно порождает конфликты, которые потенциально могут возникнуть и в других регионах РФ, так как увеличение количества мигрантов происходит повсеместно.

Особую опасность представляют населенные пункты, где прибывшие мигранты проживают компактно, образуя многочисленную культурную группу. В качестве значимого референта указываются события ноября 2005 года в парижских пригородах, компактно заселенных мусульманами¹. При этом в НВ часто предпринимается попытка осудить ксенофобию и предрассудки и призвать читателей к проявлению толерантности. Авторы статей пишут о необходимости дружбы между народами, но делают это на фоне рассуждений о негативных последствиях взаимодействия культур. Картина мира, состоящая из дискретных культурных групп, представлена как научная и не нуждающаяся в обосновании. По сути, газетные статьи воспроизводят популярные в российской науке представления об этничности и культуре, которые восходят к теориям Юлиана Бромлея и Льва Гумилева, признанным необоснованными и несостоятельными и уже ставшим достоянием истории². Тем не менее, подобные представления по-прежнему находят отражение в газетных публикациях (естественно, с поправками на специфику изданий). По версии официальной прессы, культуры, породившие беспорядки в Кондопоге, не просто представляют собой дискретные единицы, но неизменно конфликтуют, а «национальные характеры» не только существуют в реальности, но и являются источниками серьезных проблем.

«Серьезное это дело – культурные различия, а уж тем более национально-культурные. На этой почве немало копий сломано, много трудов написано. И если речь идет о приехавших в наши края или в Карелию жителях юга, то тут проблема встает во всей остроте. Уроженец теплых краев и северянин – это два разных характера, два темперамента, две системы привычек и быта. Конечно, в Кондопоге дело состояло не только в культурных различиях»³.

¹ Беленкова Э. Как не выпустить джинна из бутылки // СПБ. 2006. 18 сентября.

² Подробнее о распространенности идей примордиализма см., например: Малахов Владимир. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005; Он же. Преодолимо ли этноцентрическое мышление? // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 9–19; Тишков В.А. Реквием по этносу; Он же. Теория этноса и культурный фундаментализм // Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. М.: Наука, 2005.

³ Шерих Д. Не становитесь в позу страуса! // СПБ. 2006. 8 сентября.

В этой цитате можно обнаружить различные клише, используемые официальной прессой для описания различий между группами, в данном случае региональными, и для объяснения причин беспорядков в Кондопоге. Во-первых, национально-культурные различия преподносятся как важный фактор для объяснения многих явлений. Во-вторых, культурные различия, проявляемые в «национальном характере», могут определяться климатическими особенностями места рождения. В-третьих, культурные различия выступают в качестве источника конфликта, хотя и не основного. К тому же как доказательство используется апелляция к экспертным источникам.

Наряду с культурной спецификой мигрантов в качестве другой причины конфликта предлагается их преступная, нелегальная деятельность. «*После известных событий в Кондопоге власти города заговорили об усилении борьбы с нелегальной миграцией. Прокатилась волна “зачисток” на рынках и рейдов на строительных площадках в поисках нарушителей миграционного законодательства*¹.» Этот пример отражает достаточно типичный прием для СПВ. В статье, которая посвящена борьбе с нелегальной миграцией в Санкт-Петербурге, между делом упоминается и Кондопога, причем взаимосвязь событий подается как общезвестная и не требующая дополнительных пояснений. Таким образом, укрепляется впечатление, что случившееся в Карелии было спровоцировано исключительно ситуацией, связанной с нелегальной миграцией. Стоит отметить, что в обеих газетах картина событий и логика их развития так до конца и не были основательно освещены, что заставляло читателя домысливать их, исходя из комментариев и высказываемых мнений.

Ярко выраженный характер имеет взаимосвязь нелегальной миграции с постановлением правительства о розничной торговле. Так, НВ отреагировала на постановление относительно сдержаными публикациями, в которых отражается амбивалентная тенденция газеты: с одной стороны, изложен собственный вариант освещения событий, связанных с трудовыми мигрантами, а с другой стороны, в этом контексте выстроен негативный образ «приезжих». На страницах газеты не обсуждаются возможные причины принятия постановления, напротив, предполагается, что они общезвестны и связаны с нелегальным и даже преступным характером деятельности иностранных рабочих. Несмотря на то что постановление устанавливает квоты для легальных работников-иностранных, в публикациях оно напрямую связывается с проверками рынков и торговых павильонов под управлением Федеральной миграционной службы,

¹ Беленкова Э. Бутерброд для нелегала // СПВ. 2006. 11 декабря.

направленными на пресечение нелегальной деятельности мигрантов осенью 2006 года, а преступная деятельность мигрантов представляется в качестве основного мотива введения квотирования¹.

В ряде статей преступность уверенно маркируется этническими признаками: «*Тем временем в Москве продолжаются массовые проверки рынков на предмет выявления нежелательных элементов в лице представителей азиатских и кавказских народов*².» Проверки в таком изложении носят отчетливый этнически избирательный характер. Представители определенных этнических групп преподносятся как нечто отрицательное, преступное само по себе. В статьях действия милиции порой даже не связываются с преступностью иностранных работников, основная цель – сделать рынки этнически однородными³.

НВ задается вопросом «Преступность национальности не имеет?» и получает ответ от начальника отдела УБОП по борьбе с этническими организованными преступными группировками:

« – Долгое время говорилось, что преступность – наша общая беда и национальности у нее нет. Вы с этим согласны? –

– Нет, преступность всегда имела национальность. И еще в начале 90-х годов появились устойчивые преступные сообщества, сформированные исключительно по этническому признаку. ... В заключение хотелось бы заметить, что на территории Азербайджана или Грузии нет ни одной группировки, сформированной по так называемому славянскому этническому признаку⁴.

Особенный интерес представляет заключительный комментарий эксперта, который можно интерпретировать как опровержение мифа о том, что преступники встречаются среди представителей различных этнических групп.

Об этнически окрашенной «рыночной» преступности пишут как о существовавшей еще во времена СССР. Приводятся воспоминания: «Подходил “разводящий” – азербайджанец, рвал написанные от руки ценники...» Затем в 90-е годы «... Приезжали молодцы-джигиты⁵. Представители различных стран иерархизируются по степени благонадежности в качестве мигрантов, прибывающих в Россию. «Специалисты отмечают, что

¹ Кострова А. Указ. соч.; Бражников С. В Петербурге появляются два новых «блошиных» рынка // НВ. 2006. 20 декабря; Он же. Мир стройкам – война рынкам // НВ. 2006. 30 ноября.

² Андреев Н. Москвичи подавляют свое раздражение // НВ. 2006. 31 октября.

³ Там же.

⁴ Матвеева Н. Преступность национальности не имеет? // НВ. 2006. 1 ноября.

⁵ Марьина Т. Без базара // СПВ. 2006. 25 октября.

*в Россию реже едут относительно образованные труженики из Украины и Казахстана, а все чаще – из Таджикистана и Киргизии, где люди проживают жизнь, так и не узнав, что в мире существует канализация. Вряд ли из них получатся толковые строители элитного жилья, зато многие имеют опыт участия в гражданских войнах и наркобизнесе*¹. Таким образом формируется представление об иностранных работниках преимущественно как о преступниках. Незаконная деятельность мигрантов, которая может распространяться за пределы торговли и строительства, наряду со специфическими культурными особенностями, представляется как угроза для местных жителей. Эти заявления часто подкрепляются случаями из жизни журналистов и их знакомых, мнениями экспертов, в качестве которых выступают представители органов власти, ученые, публицисты, а также статистическая информация. «*К нам же пускают всех подряд, поэтому уровень распространения ВИЧ-инфекции среди приезжих в 18 раз выше, чем в России, а уровень преступности среди иностранцев в некоторых российских регионах вырос в 100 (!) и более раз*

².

Таким образом, миграционный статус, этничность, культура и преступность связываются воедино, формируя представления о негативном образе Других – мигрантов-преступников, отличающихся от представителей местного населения.

Побуждение к действию или как избежать конфликта с Другими?

Наряду с описанием существующей проблемы газеты предлагают несколько путей преодоления/избежания конфликтных ситуаций, отличающихся по степени жесткости. Способы решения проблем прописываются в тех же категориях, что и сами проблемы, – с использованием метафоры взаимодействия культур и наплыва мигрантов.

Один из способов, более мягкий – провозглашение необходимости воспитания уважения к культурам друг друга. Хотя обычно под взаимоуважением понимается уважительное отношение мигрантов-«гостей» к культуре местных жителей. «*Наверное, для этого требуется прежде всего уважение друг к другу. Стремление понять чужую культуру – и не только со стороны хозяев, но и со стороны новоселов. Прежде всего, с их стороны*

³.

¹ Терентьев Д. Русский демарш.

² Там же.

³ Шерих Д. Указ. соч.

Описание адаптации мигрантов до массовых беспорядков в Кондопоге зачастую включало в себя рассуждения о необходимости сохранения неповторимой этнической самобытности различных народов, населяющих нашу страну, а этническое многообразие преподносилось как один из важных признаков Мы-группы. После сентябрьских событий такие публикации встречаются крайне редко, этническое многообразие всплывает обычно в материалах, посвященных мигрантам, а их адаптация, как уже отмечалось выше, предполагает уважение и соблюдение традиций Мы-группы, которая обычно представлена культурно однородной, но непременно культурно отличной от группы Другие. «*Но и те, кто прибывает к нам, должны знать, что у них есть не только права, но и обязанности – соблюдать законы и традиции страны, которая готова стать их второй родиной*

¹. В публикациях досентябрьского периода одним из важных критериев принадлежности к Мы-группе являлась способность понять и разделить общую систему ценностей – исторические события, важные традиции, патриотические стремления и т.д. Теперь это все чаще вменяется в обязанность всем, проживающим на территории государства, и не является достаточным для включения в сообщество Мы.

Другой предлагаемый газетами более жесткий способ избежания повторения конфликтов задается рамками «цивилизационного подхода». Столкновение культур в таком изложении представлено как часть более общей, глобальной проблемы столкновения цивилизаций. Логика объяснительной модели в пределах такого подхода отсылает нас к несколько адаптированной и искаженной теории Сэмюэла Хантингтона, получившей в России особое признание в определенных научных кругах – Хантингтон активно цитируется, его работы переводятся на русский язык². Популярность теории американского профессора нашла отражение и в прессе. Так как конфликт цивилизаций неизбежен, адаптация Других к традициям Мы-группы вряд ли возможна. Последствия взаимодействия культур представляются весьма пессимистичными, и обеспечение правильной адаптации мигрантов в рамках такого видения уже не способно воспрепятствовать зарождающимся конфликтам. Единственный выход на уровне отдельного государства, скорее всего, видится в предотвращении

¹ Елисеева М. Гражданство как амнистия // СПВ. 2006. 21 декабря.

² О популярности «цивилизационного подхода» в России см.: Шнирельман Виктор. Расизм вчера и сегодня // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2; Он же. Российская школа и национальная идея // Неприкосновенный запас. 2006. № 50; Он же. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5; Малахов В. «Война культур», или Интеллектуалы на границах // Октябрь. 1997. № 7.

возможного взаимодействия представителей различных культур. Основным приемом, обеспечивающим доказательство подобных заключений, служит отсылка к референтному «цивилизованному Западу», который сталкивается с теми же самыми проблемами. «В Падуе в конце июля этого года произошла массовая драка между группой мусульман из Северной Африки и нигерийцами христианского вероисповедания. После этого эпизода мэр города распорядился построить стену, отгораживающую квартал, в котором разыгралась “гверилья”, от местного населения. Чем случай в Падуе не конфликт цивилизаций, не столкновение культур?»¹

Авторы статей силятся развеять миф о Западе как о толерантном обществе, лишенном межкультурных и межэтнических конфликтов. В статье «У Европы – свои роготги», напечатанной вскоре после событий в Карелии, последовательно развивается тезис о том, что конфликты на этнической почве не являются специфической особенностью России, но очень распространены и в Европе. Причем участники конфликта те же – местное население и приезжие. Указывается, что в Германии местных жителей тоже беспокоит «волна “экзотических преступлений”, привнесенных в мирную Германию “чужаками”, – преступлений, чуждых здешней ментальности»². Более того, акцент делается на том, что уже и политкорректная западная пресса постепенно начинает идти «на поводу у коренного большинства...», все чаще употребляя «термины вроде “сенегалец с немецким паспортом” или “пакистанец с британским” вместо привычного всем доселе “гражданин страны”»³.

Интересной особенностью статьи является постоянное упоминание в ней чеченцев в негативном контексте. Так, например, описывая столкновения между местным населением и чеченцами в бельгийском городе, инициированное последними, автор указывает на отличие чеченских диаспор от турецких: последние оказываются способными «обуздывать взрослых земляков и имеет среди них право вето». Создается впечатление, что чеченцы являются организаторами преступных столкновений в различных странах мира: их действия обусловлены особенностями чеченской культуры, которые как раз и определяют их схожее поведение независимо как от их места проживания, так и от специфики программ интеграции мигрантов в той или иной стране. В итоге делается вывод, что меры, направленные на интеграцию мигрантов, не способны предотвратить конфликты между группами, обладающими разной «ментальностью». И

этот вывод распространяется на различные культурные группы в разных уголках Европы.

Так как гармоничная интеграция мигрантов видится неосуществимой, газеты предлагают внести изменения в несовершенное миграционное законодательство, направленное на регуляцию въезда мигрантов и количества проживающих в России. Поэтому постановление правительства, регулирующего деятельность иностранных работников на рынках страны, антигрузинская кампания и рейды, направленные на поимку нелегальных мигрантов, представлены в газетах именно как долгожданные действия. Общегосударственный запрет на работу иностранных граждан представлен как основной, если не единственный, способ борьбы с незаконной деятельностью мигрантов.

Для доказательства целесообразности такого изменения миграционного законодательства вновь используется отсылка к Западу – к принятым там успешным законодательным решениям, направленным в первую очередь на защиту коренного населения. Говорится о том, что повышение культурного и образовательного уровня стран Запада достигается за счет ограничения миграции и введения специальной системы отбора квалифицированных мигрантов.

Таким образом, отсылка к Западу осуществляется двояко: для демонстрации сопоставимых с Россией проблем, вызванных живущими в стране мигрантами, а также когда речь заходит о новых российских практиках и законах, регулирующих миграцию. В последнем случае Запад часто выступает в роли примера для подражания, который, в отличие от нас, уже давно смог законодательным путем решить многие проблемы с миграцией. Например, наличие двойных стандартов в новом российском законодательстве, которое ограничивает работу иностранцев на рынках, но не препятствует их работе на стройках, обосновывается мировой практикой⁴.

Интеграция речевых приемов в экспертных оценках событий

Аккумулирование всех перечисленных приемов происходит в особо нетолерантных по многим параметрам материалах, которые публикуются в СПБ от лица экспертов. Такие публикации претендуют на большую объективность по сравнению с другими статьями: одно дело – журналист, который анализирует и интерпретирует ситуацию на основе здравого

¹ Корти М. Европа станет Еврабией? // НВ. 2006. 9 сентября.

² Шандоров А. У Европы – свои погромы // НВ. 2006. 7 сентября.

³ Там же.

⁴ Бражников С. Мир стройкам – война рынкам // НВ. 2006. 30 ноября.

смысла, личного опыта и гражданской позиции, а другое — ученый, который специализируется на изучении этих феноменов и приводит аргументацию, как предполагается, прежде всего как исследователь, а уже во вторую очередь как гражданин и обыватель. Но в реальности такие статьи зачастую далеки от научной объективности и не содержат актуальной научной информации.

Здесь события излагаются уже другим, более живым, эмоциональным языком по сравнению с публикациями без авторства или написанными от лица журналистов. Границы групп «Мы — Другие» очерчены настолько четко, что проблема формулируется с прямым указанием на потенциальных виновников конфликтов, которые описываются как явная и очевидная угроза для местных жителей. Избежать и предотвратить ожидаемую катастрофу можно единственным образом: оградить местных жителей от взаимодействия с источником опасности любыми возможными способами.

Одной из таких публикаций является статья «Русские дилеммы», в которой профессор Санкт-Петербургского государственного университета Герман Сунягин комментирует события в Кондопоге. Последовательно описывая важные вехи в формировании русского национального характера и используя легко узнаваемый терминологический аппарат этногенетического подхода Л. Гумилева, автор переходит к описанию современной ситуации в России, причем в этом описании присутствует модель столкновения культур, фигурирует Запад, обладающий такими же проблемами — предвестниками войны цивилизаций. Однако транслируемые идеи облекаются в научообразную форму и подаются как непреложные истины: «*А непосредственное соприкосновение социальных групп с совершенно различным антропологическим и культурным потенциалом — формально вроде бы равноправных, но зачастую не имеющих возможности это равноправие реализовать, — не могло не вызвать межэтнические конфликты, которые ныне сотрясают развитые западные страны, грозя перерости в войну цивилизаций*»¹. Читателю уже не приходится домысливать, что понимается под местным, коренным населением и мигрантами: в этой статье все называется своими именами, собраны все приемы, которые можно встретить в публикациях, посвященных событиям в Кондопоге. Мы-группа приобретает конкретные очертания: абстрактное «местное население» заменяется «русскими», «русским народом», «русской нацией», проживающей на территории «русской цивилизации», «русских регионов», «русских земель». Угроза Мы-группе прописана более явно и

исходит она от «переселенцев», «инородческой экспансии», «инородцев». «Пустеющие городки и поселки в русской провинции (или целые виды деятельности в крупных городах) превращаются в сплоченные национальные анклавы, пользующиеся всеми преимуществами полноценного гражданского статуса, но по существу живущие по привезенным извне собственным законам, избавляющим при случае от необходимости следовать российским законам и нравственным нормам».

Границы группы Другие также очерчены более четко. Становится очевидным, что под «мигрантами» подразумеваются не только иностранцы, но и граждане России, а разделение на «Мы — Другие» происходит по этническому признаку. Ученый прямо возражает против размытого концепта «россияне», в который включаются все граждане страны. Такой подход, на его взгляд, несет в себе угрозу для русского народа. В качестве доказательств приводятся ситуации в других странах, в первую очередь западных.

Идеология, транслируемая посредством этой статьи, имеет характеристики расизма — в том понимании, которое распространено в социальных науках. Согласно Роберту Майлзу и Малколму Брауну, идеология расизма обладает двумя отличительными чертами. Во-первых, группы представляются от природы различными по биологическими или соматическим признакам и имеющими неизменное происхождение и статус, а во-вторых, одна из этих групп обладает негативными характеристиками (культурными или биологическими), или общение с этой группой имеет негативные последствия для других групп². В статье Сунягина присутствуют обе характеристики: этнические группы обладают биологическими свойствами (например, их специфические антропологические черты, исходные качества и различный статус и т.п.), прописаны негативные характеристики «инородцев», а также исходящая от них угроза (например, инородческая экспансия, которая приводит к сокращению ареала русской культуры). Более того, автор недвусмысленно призывает к этнической дискриминации, предлагая ограничить въезд в РФ и ее регионы по этническому признаку. «*Если ограничить приток инородцев в русские регионы и лишить их права селиться там, где им хочется, то это означает поставить под удар равноправие россиян, а значит, и единство России. Если же смириться с этим процессом, значит, смириться и с начавшимся сокращением ареала русской культуры и далее с изменением этнического облика того, что мы все еще мыслим сейчас под словом Россия. Так что же нам дороже?*»² Оставляя де-юре вопрос от-

¹ Сунягин Герман. Русские дилеммы // СПВ. 2006. 10 октября.

¹ Майлз Роберт, Браун Малcolm. Расизм. М.: Россспен, 2004.

² Сунягин Г. Указ. соч.

крытым, автор де-факто на протяжении всей статьи подводит читателя к «правильному» ответу.

В НВ, в отличие от СПВ, спектр мнений представлен более широко, иногда даже полемично в отношении некоторых аспектов выстраиваемой в обеих газетах идеологии. И все же постепенно происходит артикулирование генеральной линии подачи материала, которая уже не содержит противоречий: Другие – мигранты, преимущественно с Кавказа, включая, по всей видимости, и российский Кавказ. Границы «Мы – Другие» прописываются с помощью региональных, этнических и культурных категорий, которые могут подразумевать связь с противоправным поведением и сами по себе могут выступать в качестве негативной информации. Степень опасности для Мы-группы прямо пропорциональна количеству представителей группы Другие, проживающих компактно. Различия между представителями групп Мы и Другие неизбежно приводят к конфликтам, который можно преодолеть несколькими путями – посредством либо частичной или полной ассимиляции членов Другие-группы, либо изоляцией представителей Другие-группы от Мы-группы, что можно обеспечить ужесточением миграционного законодательства. Легитимация подобных действий обеспечивается в этих изданиях посредством апелляции к Западу, который прописан, как, с одной стороны, обладающий сходными «проблемами», так, с другой стороны, использующий жесткое миграционное законодательство, направленное в первую очередь на защиту «коренного населения». Другой способ легитимации – апелляция к экспертным источникам или принадлежность автора материала к сообществу экспертов. В последнем случае интолерантность материала может достигать крайней степени и содержать призывы к дискриминации.

* * *

Проправительственные издания формируют и воспроизводят представления о стране, нации, мире, описывают систему взаимоотношений между группами, которые являются частью национального сообщества – Мы-группы и прописывают критерии принадлежности к Мы-группе и Другие-группе, члены которой по каким-то особенностям отличаются от «нас». Но полагать, что идеология власти является статичной, сформированной, неизменной, а прессы как основной инструмент формирования общественного мнения выступает только в роли транслятора этого сформированного набора убеждений и идей, – это серьезное упрощение. Процесс гораздо более сложный, причем как на

уровне идеологии, которая обусловлена особенностями политической и, даже шире, социально-исторической ситуации и спецификой агентов политического влияния, а следовательно, не является статичной, так и на уровне конкретных изданий, которые, оставаясь важными агентами влияния, неизбежно вносят в процесс свою специфику.

Наше исследование продемонстрировало трансформацию транслируемой системы убеждений. Эта трансформация происходит за счет определенных социально-политических событий в контексте постепенной монополизации СМИ. Рассмотрение в качестве основных временных срезов убийство Хуршеды Султоновой и события в Кондопоге выявило, что степень толерантности материалов при освещении событий, требующих особой корректности изложения, заметно изменилась: все больше символических и социальных групп включается в сообщество Другие, меняются стратегии описания этого сообщества в сторону более четкого описания групповых границ, предлагаются более нетолерантные образцы поведения и сама система отношений с членами этого сообщества.

Претерпело изменения понимание толерантности и путей ее реализации. До событий в Кондопоге анализируемые издания можно охарактеризовать как преимущественно толерантные. Как было показано, характерным для статей, посвященных убийству таджикской девочки, являлось преподнесение толерантности в качестве неотъемлемой черты россиян, проживающих в исторически многонациональной России. Многонациональность и толерантность описывались как важные характеристики Мы-группы, а те, кто не хотел или не был в состоянии разделить эти и другие ценности Мы-группы, оставались за ее социальными границами. В статьях после событий в Кондопоге образы групп Мы и Другие все чаще выстраиваются через категорию однородной культуры, которая имеет скрытую или явную этническую коннотацию. Многонациональность постепенно заменяется культурной однородностью, а в контексте антигрузинской кампании и обсуждения нового миграционного постановления на первый план все чаще выходит явная этническая однородность. На первый план в освещении природы этнических конфликтов выходит «нерешенная проблема с миграцией». На фоне Кондопоги решение этой проблемы дискриминационным способами представляется как само собой разумеющееся, что влечет за собой и возможность публикации материалов, которые воспроизводят расистский дискурс.

После Кондопоги в проправительственных печатных изданиях указания на этническую принадлежность в негативном контексте начинают появляться гораздо чаще, тогда как ранее этничность встречалась в основном в контексте многонациональности. События в основном объ-

ясняются через призму этнических категорий и обобщений, а в качестве обоснования зачастую используется теория «столкновения цивилизаций» Хантингтона. Реализация толерантности после Кондопоги нередко преподносится уже не как «процветание в различии», а как возможность спокойно развиваться внутри отдельных групп, причем нередко жестко разделенных по этническому принципу и миграционному статусу. Учитывая проблематичность конструирования концепта «россияне», в категорию исключения попадают и граждане России, которым, по сути, отказывается в гражданстве ввиду их этнической идентификации или фенотипических характеристик¹.

Прессы становится более интолерантной, образы Других прописываются более четко, меняются стратегии подачи материала. Если при описании убийств на национальной почве в основном использовались стратегии умалчивания этнических или расистских основ проблемы или перевода ее в другую социальную сферу, преимущественно в сферу образования и воспитания, то после случившегося в Кондопоге все больше заявляет о себе противоположная тенденция: перевода социальных проблем миграции в этническое или культурное объяснительное поле.

Очевидно, что нельзя рассматривать прессу как основной инструмент формирования общественного мнения – это упрощение, процесс гораздо сложнее. Соответственно, повышение толерантности в обществе – результат действия не только СМИ, но и других институтов (хотя, возможно, СМИ и представляются одним из самых действенных, прежде всего в силу охвата аудитории). Тем не менее, анализ печатных изданий позволяет проследить, каким трансформациям подлежит сама идеология, как меняется риторика в ответ на разные события.

Как именно можно использовать потенциал СМИ для преодоления негативных установок и ксенофобских настроений – это вопрос, требующий глубокого теоретического осмысливания и практической реализации. Однако при описании или освещении тех или иных событий не стоит забывать о том, что толерантность как общественное явление определяется не только желанием и верой в добрую волю друг друга. В качестве необходимого фундамента для ее закрепления в обществе должны присутствовать институциональные гарантии защиты от проявлений нетерпимости, в том числе и продуцируемые через СМИ.

¹ В последнее время отрицание гражданства по этническому принципу выделяется экспертами в отдельный вид языка вражды, который получил название «отрицание гражданства» – то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации.

В обществе всегда будут присутствовать Другие, поскольку это неотъемлемое условие формирования собственного «Я», собственной идентификации того или иного сообщества. «Интеграция и исключение, – указывает Ивэр Нойманн, – две стороны одной медали, поэтому вопрос ... не в самом факте исключения, но в том, КАК оно происходит¹. Именно в силу этого крайне важно быть аккуратным в говорении о Другом и конструировании Другого. Терпимость, не говоря уже о толерантности – явление достаточно хрупкое, она быстро исчезает, стоит лишь Другим показаться опасными или стоит только изобразить их таковыми. Поэтому внимание к тому, как представлены Другие, способно помочь нам жить в различии, а также содействовать тому, чтобы некоторые из нас не пострадали, оказавшись Другими.

¹ Нойманн Ивэр. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 69–70.